

Пётр ПОЛЕВОЙ

КИЄВСКАЯ И СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛИ XII—XIII вв.

Неведомая Русь

Петр Полевой

**Киевская и Суздальская
земли XII-XIII веков**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94.7
ББК 63.3(2)41-42

Полевой П. Н.

Киевская и Суздальская земли XII-XIII веков / П. Н. Полевой —
«ВЕЧЕ», 2026 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-6121-7

Писатель, специалист по древним языкам и историк П. Н. Полевой (1839—1902) увлекательно и обстоятельно рисует картину древнерусского общества, опираясь на свидетельства летописей, сохранившиеся памятники зодчества и средневекового искусства, а также на материалы археологических раскопок. Читателя ожидает рассказ о двух важнейших экономических, властных и культурно-религиозных центрах Руси с момента принятия христианства и вплоть до монгольского нашествия — Киевском и Владимиро-Суздальском княжествах.

УДК 94.7
ББК 63.3(2)41-42

ISBN 978-5-4484-6121-7

© Полевой П. Н., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

К изданию 2026 года	6
Предисловие	8
Киев	9
Глава первая. Город Киев	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Петр Полевой
Киевская и Суздальская
земли XII–XIII веков

© Ермаков С., предисловие, 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

К изданию 2026 года

Вторая книга Петра Николаевича Полевого (1839–1902), профессора Варшавского университета по кафедре русского и церковнославянского языков, отказавшегося от блестящей научной карьеры ради свободного, но проблемного творческого пути писателя, задумывалась как популярный рассказ о домонгольской Руси, раннем государстве с центром в Киеве и первых веках того этапа ее истории, который принято называть феодальной раздробленностью. Впрочем, если говорить более точно, автор создал не столько исторический очерк или последовательное повествование, основанное на доступных в его время письменных источниках, сколько одновременно и очерк материальной культуры средневековой Руси, и обзор истории развития отечественной исторической науки и археологии в момент ее становления. Строго говоря, автор не стремится написать учебник истории, он показывает, каким прошлое предстает на основе изучения вещественных его следов.

Двухтомник с оригинальным названием «Русская история в памятниках быта» был издан в 1879–1880 гг. Второй том автор посвятил двум важнейшим экономическим, властным и культурно-религиозным центрам Руси с момента принятия христианства и вплоть до монгольского нашествия. Мы находим в нем очерк развития Киева и Владимира-на-Клязьме, попытки осмыслить, что представляли собой власть, войско, духовенство и, увы, в меньшей степени, основная масса населения.

П. Н. Полевой рисует перед читателями обзорную картину Древней Руси достаточно широкими мазками, следуя общей логике развития науки XIX в., то есть периода ее становления и окончательного оформления, но не стесняется вступать в полемику в том числе и с маститыми фигурами своего времени. Сегодня, конечно, многое из того, о чем рассказано на этих страницах, пересмотрено, уточнено и детализировано, но, чтобы подобное стало возможным, требовалось пройти сложным путем несовершенных научных методов и неизбежных ошибок.

Впрочем, здесь не хочется говорить о недостатках, лучше говорить о достоинствах.

Автор стремится соединить и увязать в единое целое материалы письменных источников – летописей, агиографических и прочих доступных ему текстов, свидетельства историков искусства, изучения артефактов и материалы археологических раскопок. Он ищет логику в событиях и обращает внимание на детали, которые на время написания книги еще не были прояснены (да и сейчас во многом остаются дискуссионными). Это, пожалуй, можно считать главным плюсом книги наравне с тем, что ее еще и просто интересно читать.

С. Ермаков

Рис 44. Икона Божией Матери Владимирская

Предисловие

Заканчивая вторым выпуском первый том нашей книги, мы считаем излишним подвести в настоящем предисловии некоторые итоги нашему труду.

План, принятый нами в основу сочинения, в этом втором выпуске окончательно выясняется для читателя и вполне осязательно показывает, чего именно можно ожидать от «Очерков русской истории в памятниках быта».

В начале настоящего выпуска мы даем возможно полную картину киевского быта, подразделяя ее на шесть важнейших отделов. Знакомя читателя с топографией древнего Киева, указывая на важнейшие эпохи его возрастания и распространения, мы обращаем особенное внимание на киевские святыни – драгоценные остатки старины XI–XII веков, каким-то чудом уцелевшие до нашего времени. В главе второй и третьей мы собираем все подробности о быте князя и дружины, какие сохранены нам собственно киевскими источниками. При этом мы обращаем особенное внимание на выяснение отношений князя к дружине и старших членов дружины к младшим. Затем, в четвертой и пятой главе, переходя к описанию устройства киевской церкви и к монастырскому быту, мы одинаково пользуемся и драгоценными вещественными памятниками, и богатою летописью Печерской обители, чтобы ознакомить читателя с высокими религиозными идеалами Киевской Руси. Наконец, в шестой главе, сообщая все факты, сохраненные нам письменными памятниками о быте и занятиях городского населения Киева, мы позволяем себе указать на распределение этого населения по частям города, на участие различных слоев населения в важнейших проявлениях киевской городской жизни и на некоторые ее особенности.

Переходя к Владимиро-Суздальской области, мы сначала знакомим читателя с теми географическими условиями, которые способствовали возвышению Владимира, а также и с бытом древнейших обитателей далекой северо-восточной окраины Древней Руси, насколько этот быт доселе известен по курганным раскопкам.

Пользуясь летописью и остатками владимирской старины, мы даем понятие о древнем «стольном Владимире» и важнейших эпохах жизни города, в период его процветания, от половины XII до конца XIII в. Собирая в главе девятой все, что можно было извлечь из суздальской летописи о князе и дружине, мы выставляем на первый план именно те черты, которые могли и должны были отличать дружинный и княжеский быт во Владимире от того же быта в Киеве и других исторических центрах Древней Руси. Таким же образом поступаем мы и при описании устройства церкви во Владимире. Наконец, второй отдел нынешнего выпуска мы заканчиваем подробным обзором сохранившихся во Владимире памятников древнего церковного и гражданского зодчества – как особенно важных по сравнению с памятниками киевской церковной старины.

В заключение нашего предисловия мы должны сообщить, что печатание указателей к первому и второму выпускам нашей книги несколько замедлилось, и мы будем иметь возможность дать их не ранее, как при выходе в свет третьего выпуска.

П. Полевой.

8 апреля 1880 г. СПб.

Киев

Глава первая. Город Киев

Топография нынешнего Киева и его окрестностей. – Древнее поселение на месте нынешнего Киева. – Сравнение нынешнего города с древним. – Детинец, Гора и Подол. Эпохи возрастания города. – Обзор важнейших остатков киевской старины. – Окрестные урочища, вошедшие в состав нынешнего города.

Киев лежит на правом возвышенном берегу Днепра, и каждому путнику, приближающемуся со стороны противоположного, левого берега, большею частью плоского и ровного, город виден уже верст за двадцать. Холмистые возвышенности правого берега не тянутся непрерывною цепью и не везде одинаково близко подходят к Днепру; напротив – они то подступают к самому берегу реки (как напр., около Вышгорода, верстах в 7 повыше Киева), то отступают от берега на довольно значительное расстояние, постепенно понижаясь и округляясь, по мере удаления от реки. Там, где эти возвышения удаляются от Днепра, ровные, мягкие склоны берега покрыты превосходными поемными лугами, сочными пастбищами, кудрявой зеленью садов и перелесков, пересекаемых извилистыми ручьями и речками. Там, где холмистые возвышения приближаются к берегу, они громоздятся друг на друга, вздымаются высокими грядами и образуют крутые, стремистые берега.

Нынешний Киев занимает один из таких прибрежных пунктов, где возвышенности правого берега подходят к самой реке, достигают наибольшей своей высоты (43 сажени) и, почти не понижаясь и не отступая от берега, тянутся вдоль него, вниз по реке, верст на двенадцать, до самой Китаевской пустыни. И только за тою пустыню холмы снова начинают отступать от берега и удаляться вглубь страны. Нельзя не обратить внимания на то, что эта гряда холмов (на возвышенной точке которых стоит Киев) представляет такое прихотливое разнообразие видов, такой нескончаемый ряд уступов, изрезанных извилистыми оврагами, причудливыми рытвинами и зеленеющими ложбинами, что самый Киев и ближайшие его окрестности на правом берегу должны быть отнесены к числу живописнейших местностей в Европе.

Чрезвычайно красив правый берег Днепра, если смотреть на него с противоположной стороны реки. Но и с высот правого берега перед зрителем открывается прекрасный вид во все стороны, на очень далекое пространство. Равнина, захватывающая весь левый берег, поражает своим необъятным простором и своеобразною прелестью пейзажа. По этой равнине, около самого Днепра, широкою трехверстной лентой тянутся богатейшие пойменные луга, а за ними белеют селения, с нескончаемыми полями, и синеющая даль сливается с горизонтом, на котором темными пятнами выступают еще уцелевшие леса. За приднепровскими лугами, между слободами Никольской и Воскресенской, одиноко возвышается среди равнины прославленная в южнорусских преданиях Лысая гора.

Некоторые части нынешнего Киева (Печерская, Дворцовая, Зверинская, Старо-Киевская) расположены на холмах; другие (Подольская, Лыбедьская), напротив того, на низменном пространстве, примыкающем с севера и северо-востока к береговым возвышенностям. Самые холмы, на которых расположены верхние части города, потребовали большого труда и усилий при новейших перестройках города: нелегко было прировнять площадь города, придать улицам их нынешнее правильное расположение, уменьшить крутизну подъемов и спусков.

Почва киевских холмов песчаная и глинистая; желтые пески перемежаются с белыми, а из-под их слоя выступают пласты глины, то синей, то желтой, самых разнообразных оттенков. Из холмов, по глинистому слою, бегут во множестве ручьи, изобилующие железистыми

частицами и потому густо-окрашивающие русло свое в красновато-бурый цвет. Глина киевская представляет собою превосходный материал для гончарных изделий и в связи с киевскими песками дает отличный кирпич. В холмах киевских местами выступает залегающий в них тонкий слой лигнита¹, а у подошвы холмов нередко отрывают кости мамонтов и других ископаемых.

Величав под Киевом и самый Днепр, к которому прилегают и возвышенные, и низменные части нынешнего города. Верстах в семи выше Киева Днепр принимает в себя Десну (с левой стороны) и потом, против самага Подола, разделяется на два рукава: один из них, главный, омывает тот округлый, низменный выступ берега, на котором расположен киевский Подол; другой, менее важный, уклоняется восточнее и посредством многих протоков вновь соединяется с Днепром-Стариком², уже гораздо ниже, под стенами Печерской обители. Этот рукав известен под названием Черторый. Между Днепром-Стариком и Черторыем издревле образовался обширный наносный остров, называемый Труханов; среди него еще уцелело озеро, известное в наших летописях под названием Долобьского или Дулебского.

Днепр под Киевом неглубок: в обыкновенное время – от 5–9 сажен по фарватеру. Ширина реки довольно значительна: от 170 до 250 сажен. Во время весеннего половодья Днепр нередко затопляет не только весь левый берег, но и все низменные части правого берега (Плоскую, Подол и подгородные слободы), подымаясь на 6, 9, даже 11 аршин выше своего постоянного уровня. Вот почему и большая часть домов на прибрежных низменностях, прилегающих к городу, строится на высоких сваях.

Разлив Днепра начинается в марте и продолжается до конца апреля; окончательно же река входит в берега свои не ранее половины июня. Острова и низменные побережья Днепра и до сих пор еще изобилуют болотною дичью всех сортов, а в лесах около Киева водятся зайцы, волки, лисицы, дикие козы и даже вепри. Рыбою Днепр под Киевом небогат, и ее почти никогда не хватает даже для местного потребления.

Плодоносная киевская почва, обильно орошаемая влагой и согреваемая лучами благодатного южного солнца, производит весьма богатую и разнообразную растительность. Ягоды и фрукты рождаются превосходно; нежные плоды – абрикосы и персики – созревают на открытом воздухе, и даже виноград разных сортов разводится довольно успешно. Грецкий орех, айлант, пирамидальный тополь, белая акация и другие южные деревья достигают замечательного роста, силы и красоты.

Нынешний Киев, губернский город с 130-тысячным населением, прекрасно обстроенный, живописный, обширный и красивый, представляет собою важнейший центр промышленности Юго-Западного края, узел железных дорог, одинаково важный и в административном, и в стратегическом отношениях.

Новейшие археологические данные заставили убедиться в том, что, уже и за много веков до выступления Руси на историческую сцену, местность нынешнего Киева занята была поселением оседлого племени.

При земляных работах, предпринятых в 1874 году для расчистки места между улицами Прорезной и Фундуклеевской, случайно наткнулись на обширное и весьма древнее кладбище. Судя по чрезвычайному множеству скелетов, которые уже и до этой находки в различное время были находимы около памятника, поставленного на месте бывшей церкви Св. Ирины, а также близ Миниховского вала и на Елисаветинской улице – следует заметить, что кладбище это занимает весьма обширное пространство и много веков сряду служило местом погребения обширному и древнему поселению, находившемуся на месте нынешнего Киева. Скелеты попа-

¹ Бурый уголь, остаток обуглившегося в земле растения.

² Днепр, протекая под Киевом, разделяется на многие рукава. Один из таких рукавов, вероятно, составлявший некогда главное русло Днепра и главный путь, по которому шло судоходство, до сих пор сохранил в народе название Старика. В четырех верстах повыше Подола он образует довольно обширный остров, длиною в 6 верст, а шириною в 2½ версты (Закревский. Описание Киева. М., 1868. Т. I. 297).

дались большею частью на глубине 2 ½ аршин, лежали в большей части случаев по направлению от севера к югу. При некоторых найдены были только кругловатые, просверленные посередине, камни, величиною в кулак; при многих – бусы из красного шифера, которые, как мы уже знаем, в обилии производились в местности Овручского уезда Волынской губернии, близ села Каменьщины. Среди могил попадались и такие, которые вырыты были вроде небольших пещерок, и в них под низким сводом поставлены горшки с пеплом и обожженными костями. Свод и боковые стенки таких могил были начисто вымазаны глиною, и глина эта обожжена. Кроме этих могил, среди того же кладбища попадались круглые, глубокие ямы (12 фут. в поперечнике и 4 арш. глубины) с остатками очагов, сложенных из песчаника и других камней; они носили на себе явные следы огня. Среди наполняющего эти ямы чернозема находили множество обугленных и раздробленных костей домашних животных (лошадей, рогатого скота и свиней). Ясно, что эти очаги были также, вместе, с кладбищем, остатками какого-то весьма древнего поселения, бывшего на месте Киева в такую отдаленную эпоху, когда местное население еще не успело завести торговые сношения с цивилизованными народами.

А между тем существуют самые осязательные, несомненные доказательства того, что подобные сношения киевского Приднепровья с греческим Югом начались уже очень рано. С одной стороны, это подтверждается теми ископанными в прибрежьях Днепра пещерами, которые непрерывною цепью тянутся от Киева вниз на целые 20–30 верст. Пещеры эти уже и для отшельников XI века представлялись чем-то весьма давним. Клады, которые уже и в Несторово время находили в этих пещерах, ясно указывают на то, что торговля велась в этой местности уже за много веков до исторического основания Киева, и эти пещеры служили, быть может, не только убежищем для смелых купцов-пиратов, но и местом хранения сокровищ, накапливавшихся от их прибыльного промысла.

С другой стороны, в пользу рано установившихся сношений с греческим Югом говорят и те замечательные остатки исторической древности, которые доставлены были могилами Киевской губернии³. В числе их видим «бронзовые шлемы и топоры благороднейших греческих форм, бронзовые наконечники стрел греческого изделия, бронзовые вазы чистойшей греческой работы, золотые украшения от одежды (с точно такими же изображениями, какие нам известны по находкам, сделанным в греческих колониях), обыкновенные греческие амфоры для хранения вина и даже хорошо сохранившуюся расписную вазу III столетия до Р.Х.»⁴

Древняя летопись наша, рассказывая о прибытии в Киев Аскольда и Дира с горстью варяжских удальцов, сообщает и предание об основании Киева неким Кием, который вместе с братьями своими, Щеком и Хоривом и сестрою Лыбедью осел на горах днепровских и основал Киев.

Отголоски этого предания еще и доселе звучат в местных названиях киевских урочищ; но само предание, по-видимому, уже и во времена древнего летописца нашего было, в свою очередь, отголоском далекой старины, и личность Кия, основателя стольного города Южной

³ Остатки эти собраны в книге почтенного И. Фундукля, так много оказавшего услуг изучению киевских древностей. Книга эта – «Обозрение могил, валов, и городищ Киевской губернии, изданное по Высочайшему соизволению киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем». Киев, 1848. 4°. С 17 таблицами хромофотографических рисунков. Академик Стефани, упоминая об этой книге, справедливо замечает, что это сочинение «заслуживает благодарности археологов» и при этом как бы с сожалением прибавляет, что издание г. Фундукля «за границею вовсе неизвестно». Почтенный ученый писал это в 1865 г.; в настоящее же время, благодаря трудам А. Кона, сочинение Фундукля едва ли не более известно за границею, нежели в России, где оно составляет библиографическую редкость.

⁴ Отч. Арх. ком., 1865, с. 7. Акад. Стефани придает особенно важное значение именно последнему факту и замечает, что нахождение этой расписной вазы «имеет величайшее значение для истории греческой вазовой живописи, потому что Киев лежит гораздо севернее всех тех местностей, в которых доселе находимы были расписные вазы. Если археология тщательно указала вовсе немногочисленные расписные глиняные сосуды, открытые в почве Северной Италии, то неужели не заслуживает особенного внимания хорошо сохранившая ваза, найденная под одинаковою северною широтою с Прагой и Франкфуртом-на-Майне, и притом ваза, украшенная не каким-нибудь простым изображением». Изображение этой вазы первоначально было помещено в изд. Фундукля, табл. 12. Более точное – в Отч. Арх. ком., 1865, атлас табл. VI, рис. 5 и 6.

Руси, оказывалась темною и неопределенною даже для современников Нестора. Важно для нас то, что название Киева не является одиноким; оно прилагается не только к нашему городу Киеву, а, напротив того, участвует в наименованиях многих урочищ, рассеянных по Дунаю и всем землям славянским. Очевидно, что название города Киева было принесено на берега Днепра с юга, с берегов Дуная, в эпоху движения и расселения славянских племен на территории Западной и Юго-Западной Руси. Следовательно, и в самом именовании будущего стольного города Руси Киевом является отголосок весьма далекой славянской старины.

Из дальнейшей истории Киева до начала IX века древний летописец наш упоминает только о том, что Поляне, в земле которых город был построен, платили дань хазарам (вероятно, в VIII веке, в эпоху наибольшего процветания и могущества Хазарского царства); и затем уже прямо переходит к истории Киева под варяжским владычеством, внимательно и подробно следя за возрастанием города, который в XI веке уже гремел на Востоке и Западе своим богатством и славою, а в половине XIII века поразили полчища Батыевы своим величием и красотою.

Для того чтобы ознакомиться с историей постепенного роста древней столицы нашего Юго-Запада, насколько она сохранилась нам в наших памятниках, необходимо определить объем того древнего Киева, который еще во 2-й половине IX века представлялся Аскольду и Диру небольшим «городком на горе», а также сравнить топографию местности, занимаемой нынешним Киевом, с тою же местностью, какою она была десять веков тому назад.

Прежде всего, заметим, что местность нынешнего Киева – в особенности важнейших нагорных частей его – изменилась чрезвычайно не только в период времени с X по XIX век, но даже и с конца XVIII в. до нашего времени, и в особенности в последние 40–50 лет. Срыты целые горы, засыпаны старые рвы и овраги, проложены новые улицы, расчищены площади, устроены набережные и спуски, прорыты каналы; с другой стороны работала и природа своим постоянным, обычным, неуклонным путем, обрушая горы, подмывая берега, нанося острова и мели, изменяя русла многочисленных днепровских протоков.

Не вдаваясь в большие подробности, отметим только важнейшие из этих топографических изменений, необходимые для ближайшего изучения плана древнего Киева. Прежде всего обратим внимание на то, что нынешняя низменная часть Киева, называется Подолом, в прежнее время (и даже еще не весьма отдаленное), не омывалась Днепром, так как тут протекала речка Почайна, берущая начало версты на три с половиною севернее киевского Подола. В эту речку, а не в Днепр впадал быстрый и сильный ручей Глубочица, вытекающий из озера, лежащего в двух верстах на северо-запад от Киево-Подола. Протекая глубоким удольем между горами Скавиною и Киселевкою, ручей Глубочица принимал в себя речку Киянку и пролагал себе путь к Почайне по болотистой низменности Подола. Самая Почайна, устье которой находилось под Крещатицким оврагом, в нижней части своего течения шла почти параллельно Днепру, от которого и отделялась довольно широкою полосой берега. Эта полоса берега, в виде узкой косы, существовала еще в прошлом веке, но впоследствии, благодаря некоторым неудачным техническим сооружениям, коса эта в самое короткое время была уничтожена напором Днепра, и памятью ее остался, против Крещатицкого оврага, островок, некогда составлявший крайнюю оконечность не существующей более косы. Вследствие этого исчезновения целой полосы берега Почайна в настоящее время впадает в Днепр уже не у подошвы Киевских гор, на которых стоял древний город, а на полверсты выше Подола; а ручей Глубочица, обращенный в правильно окопанный канал, пересекающий Подол, изливается не в Почайну, а в Днепр, который продолжает теперь свою разрушительную работу уже не над прибрежьями Почайны, а прямо над набережною Подола⁵.

⁵ См. об этом у Закревского. Описание Киева, II, в статьях о Почайне и Глубочице (т. I). Все описания киевских древностей и урочищ расположены в сочинении г. Закревского в алфавитном порядке.

С другой стороны, вид местности, лежащей против Киева, довольно подробно описанный нами выше, также представляется нам иным, нежели он должен был представляться много веков тому назад. Местность левого берега, в настоящее время изрезанного протоками Днепра, образующими большие и малые прибрежные острова и мели, между которыми в последнее время прорыт широкий, искусственный канал (так называемый Пробитец), была, вероятно, покрыта водою Днепра, который, конечно, был и шире, и обильнее водами в те времена, когда дремучие леса покрывали берега его и подходили отовсюду под самые стены Киева.

Отчасти вследствие того что топографические условия были иными, отличными от топографических условий позднейшего (а тем более Новейшего) времени, пространство, на котором могло основаться первоначальное поселение на месте нынешнего Киева, является весьма необширным. Пространство это ограничивалось вершиною так называемой Старо-Киевской горы, где и теперь помещается Андреевское отделение Старого Киева или Старый город с Десятинной церковью; этот Старый город составляет только северо-восточный угол Киевской горы, глубокими оврагами отделенной ото всех остальных киевских возвышенностей и высоко поднимающейся над киевским Подолом. Это и есть первоначальный город Киев, который только со второй половины X века стал быстро возрастать и к концу XI в. уже успел увеличиться в двадцать раз против своего первоначального объема.

Любопытны размеры этого древнейшего русского города, или городка, впоследствии обратившегося в детинец города Киева и резиденцию князей киевских: вся площадь равняется 26,316 квадр. саж. или 10 дес. и 2316 кв. саж.; наибольшая длина от юга к северу – 238 саж.; наибольшая ширина от севера к востоку и к юго-западу – 148. В окружности своей, по валам, город Киев имел всего 540 саж., а с предместьем мог заключать в себе не более 2 верст.

Внимательно следя за указаниями летописи по отношению к объему этого древнейшего Киева времен Игоря и Ольги, мы можем определить его пределы так: на юг он граничил глубоким оврагом, носившим название Перевесища (ныне Крещатицкий); на восток – крутыми, неприступными склонами горы, спускавшейся к Почайне; на северо-восток – Подолом, и на север – оврагом, отделявшим градскую гору от горы Уздыхальницы (нынешней Киселевки); на запад – оврагом, отделяющим нынешнее Андреевское отделение Старого города (собственно детинец или Старейший Киев) от Софийского отделения Старого города, более известного по древней летописи нашей под названием Горы (в смысле нагорной, верхней части города).

На западной стороне находились ворота детинца, а перед воротами – древнейший мост (упоминаемый уже под 1068 г.), соединявший детинец с Горою. Вверху, по окраине нынешнего Крещатицкого оврага, шла единственная от устья Почайны (и с прибрежий Днепра) дорога в детинец, носившая название Боричева увоза или ввоза. Далее на север, по тому же оврагу (западнее огибая Уздыхальницу и следуя течению речки Киянки) та же дорога спускалась на Подолье и потом шла к Вышгороду.

Летопись не сохранила нам названия единственных ворот детинца киевского, хотя мы и знаем, что впоследствии (гораздо позднее) они носили название Софийских и Батыевых.

Из всех зданий, находившихся в киевском детинце в первой половине X века, мы знаем только каменный терем княгини Ольги, который был по тому времени явлением настолько замечательным и редким, что память о нем не могла не сохраниться; терем этот занимал северо-восточный угол детинца. Вне пределов детинца, обнесенного валом и соединенного мостом с Горою, заселение собственно Горы и ближайших к детинцу окрестностей началось не ранее как со времен Владимира; но до Владимира все остальное пространство Горы (нынешнее Софийское отделение Старого города) было не заселено, занято полями и огородами; а на западных и южных окраинах Горы начинались уже дебри и леса.

По свидетельству летописца, «вне города», однако же под самыми его стенами, на месте нынешнего Крещатика, за Боричевым увозом, начинался лес и, подымаясь в гору, тянулся далеко на юг, до самого Печерского монастыря и на юго-запад до Клова. За Боричевым увозом,

на окраине леса, в нижних частях нынешнего Крещатика, находились места постоянных княжеских ловов, так называемое Перевесище⁶. Этими весьма ограниченными сведениями исчерпывается все, что мы знаем о топографии древнейшего города Киева до половины X века.

Начиная с этого времени, при ближайших преемниках Владимира, город начинает быстро возрастать по направлению к западу, северо-западу и югу. На юге город захватывает часть Перевесища, почти достигает черты нынешнего Крещатика и Лыбеди; на западе – захватывает всю Гору, до самых Златых ворот, и даже на берегах ручья Глубочицы, на склонах горы Скавика, являются городские поселения.

В конце XI века этот Старый город, во всем своем объеме, огражден стеною и валом, сквозь который вели к городу с четырех различных сторон ворота: с северо-востока – ворота градские, от моста у детинца; с юго-запада – Златые, с северо-запада – Жидовские, и с юго-востока – Лядские.

На северо-востоке стал заселяться обширный и во многих отношениях удобный для торга Подол, на котором уже очень рано, быть может, во времена Аскольда и Дира, среди леса и топей, приютилась древнейшая православная церковь Св. Илии. Заселение Подола началось при Владимире I и Ярославе I; при Изяславе он уже является многолюдным, а при Святополке II здесь находился главный центр тяготения всей киевской торговли. В XI и XII веках Подол играет очень важную роль в истории Киева: зажиточные жители его нередко собирают вече и принимают участие во всех мятежах.

В заключение общего топографического обзора Старого Киева заметим, что Печерская возвышенность, лежавшая на юго-восток от Киева, до начала XVIII века не была застроена никакими частными городскими зданиями и во весь Киевский период нашей истории представляла лесную дичь и глушь. Среди этой глуши знаем только Печерский и Николаевский монастыри с некоторыми принадлежавшими к ним селениями. В сельце Берестовом, любимом местопребывании Ярослава I, расположенном так близко от монастыря Печерского, летопись упоминает только княжеский дворец и церкви Преображения Господня и Св. апостолов Петра и Павла, да еще по дороге в Берестовое, среди глухой лесной чащи, монастыри: Стефанеч (т. е. Стефанов) и Германеч (т. е. Германов) на Клове.

В Граде, или детинце киевском, как древнейшем ядре Киева, летопись в период XI–XII веков упоминает следующие пункты:

1) Древнейший терем княжеский; 2) дворы и дома частных лиц (Воротислава, Гордятин и Деместиков); 3) церковь Св. Василия; 4) церковь Десятинную; 5) монастырь Св. Андрея или Янич; 6) монастырь Св. Феодора или Вотч; 7) Бабин Торжок; 8) ворота градские и 9) мост, перекинутый против этих ворот через овраг, отделявший Град от Горы. На Горе, примкнувшей к Граду в половине XI века, летопись упоминает: 1) собор Св. Софии; 2) Златые ворота; 3) церковь Св. Ирины; 4) церковь Св. Георгия; 5) частные дома и дворы (Брячиславль и Глебов); 6) тюрьму (поруб или погреб); 7) врата Жидовские и 8) врата Лядские.

Для большего удобства рассмотрения этих отдельных местностей и оценки значения их, каждой в отдельности, укажем, что в истории распространения и роста древнего Киева резко заметны три эпохи:

⁶ Перевесище – по установившемуся в русской науке мнению понимается в смысле места, на котором развешивались сети для ловли рыбы, птиц и зверей и которое поэтому именно и является в летописи рядом со словом ловище (место для ловов): около всякого рода ловищ находились и перевесища как место хранения необходимых ловческих снарядов. Есть и другое объяснение; И. И. Срезневский в «Чтен. о древн. русск. летописях» (СПб., 1862, с. 42) говорит: «Следствием ведения торговли было заведение мест, где содержались народные весы, перевесищ, которых содержание принадлежало князю. Словом “перевесня” в древнем переводе пророчеств переведено $\zeta\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ – statera». «Перевесища» Ольгины были между прочим по Днепру и по Десне.

1) эпоха Владимира, когда Киев еще не переходил за пределы древнего Града, но Град стал обстраиваться и украшаться новыми замечательными зданиями (церковь Св. Василия и церковь Пресвятой Богородицы Десятинной);

2) эпоха Ярослава, наиболее важная в истории Киева, когда Киев перешел за пределы первоначального Града, занял Гору, и эта Гора, обнесенная стенами и валом, украсилась такими величавыми сооружениями, как Златые врата с бывшею над ними церковью Благовещения, и как Софийский собор. К тому же времени относились и церкви Св. Ирины и Св. Георгия;

3) эпоха ближайших преемников Ярослава, при которых Киев разросся до крайних, вышепомянутых нами, пределов древнего своего распространения, а Град украсился двумя новыми монастырями, Андреевским и Феодоровским, между тем как и на древнем Перевесище, и на Подоле, и на всех ближайших к Киеву урочищах возникли церкви, монастыри и божницы, выстроенные усердием князей, частных лиц и отдельных сословий.

Начнем с эпохи Владимировой. Мы уже знаем из предыдущего, какие здания заключал в себе древний киевский детинец до Владимира. К эпохе Владимировой относится построение в том же детинце двух церквей – Св. Василия и Десятинной. Первая построена была Владимиром тотчас по принятии крещения (в 988-м), и построена на том самом холме, «вне двора теремного», где стоял до того времени кумир Перунов. Первоначально церковь была деревянная, судя по тому, что Владимир, по выражению летописи, приказал всюду рубить церкви, а в том числе и церковь Св. Василия, построенную в честь того святого, которого имя дано было Владимиру при крещении.

Чтобы понять дальнейшую историю этой церкви, необходимо определить место того теремного двора, близ которого она была построена. Г. Закревский, лучший знаток древней киевской топографии, говорит, что в киевском детинце, от времен Ольги был один и тот же двор княжий, быть может, подвергавшийся при последующих князьях распространению и перестройкам, но не изменивший своего места. Он находился на южной стороне детинца между нынешними церквами Трехсвятительской и Андреевской, и, переходя от одного князя к другому, от Владимира и Ярослава к их потомкам, он же слыл впоследствии то Ярославовым двором (1037 г.), то Великим (1183), то Новым (1194 г.). Вот почему мы имеем полное право предполагать, что каменная церковь Св. Василия на Великом дворе и на Новом дворе, упоминаемая дважды в XII в., была воздвигнута на том же месте, на котором стояла древняя Владимирова деревянная церковь. Кем именно воздвигнута каменная церковь, определить трудно, тем более что различные летописи приписывают сооружение ее различным князьям и различным годам. В первой трети XIII в. при церкви Св. Василия упоминается монастырь. Остатки церкви Св. Василия – две полуразрушенные стены в 5–6 фут. вышиной, покрытые греческими надписями, видны были еще в половине XVII в. С конца XVII в. на месте разрушенной церкви Св. Василия стоит нынешняя Трехсвятительская церковь. В 1838 г., в 20 шагах от церкви, открыты были глубокие пещеры с отдельными ходами в разные стороны; ходы эти заканчивались завалами. Пещеры вырыты были в твердом глинистом песчанике и совершенно сходны с пещерами лаврскими.

Церковь Десятинная, в честь Пресвятой Богородицы (предполагают: Успенья Богородицы) заложена была Владимиром в 989 г., а окончена в 996 году. Построена она была на месте двора варяга-мученика, в северной стороне детинца. Мастера для постройки этого храма призваны «от грек», и присмотр за работами поручен Анастасу Корсунянину; а потом приставлены к ней на служение попы корсунские и перенесены в нее иконы, сосуды и кресты, взятые Владимиром в Корсунь.

Рис. 1. Церковь Рождественская, построенная Петром Могилою из остатков Десятинной

Название Десятинной церковь получила, как известно, оттого, что Владимир при освящении ее принес ей в дар десятую долю всех своих доходов и положил в церковь запись о десятине на вечные времена, запись, налагавшую проклятие на каждого, кто бы решился изменить или осудить его завет. В 1007 году привезены были из Греции иконы для Десятинной церкви. В 1017 г. страшный пожар, истребивший большую часть Киева, повредил и церковь Десятинную. Возобновленная Ярославом I, она была вновь освящена митрополитом Феопемптом в 1039 г. В 1044 г. туда, по желанию Ярослава, перенесены были окрещенные кости Ярополка и Олега Святославичей. В 1078 г. в Десятинной церкви погребено тело великого князя Изяслава Ярославича, а в 1093 г. – Ростислава Мстиславича. В 1169 г. Десятинная церковь, в числе прочих храмов киевских, подверглась ограблению от воинов Андрея Боголюбского, а в 1203-м – от воинов Рюрика, расхитивших драгоценности, книги и другие вещи, пожертвованные князьями. С западной стороны, против Десятинной церкви, на торговой площади, носившей название Бабина Торжка, поставлены были еще от времен Владимира две статуи и четыре бронзовых коня, взятых из Корсуни.

Тщательное исследование древнего фундамента Десятинной церкви и внимательное изучение всей окружающей местности привело к возможности составить себе некоторое, довольно правильное понятие о размерах и внутреннем, великолепном, по тому времени, убранстве Десятинной церкви. Церковь была четырехугольная, длиною посередине около 24 саж. и шириною 16 саж. Восточная или алтарная часть фундамента, подобно другим древним церквям киевским, имела три выступа или округлости, из коих средняя была более боковых. По остаткам, найденным при отрыве фундамента, можно догадываться, что у церкви Десятинной был архитрав⁷, украшенный греческою надписью и большими круглыми муравленными розетами⁸; что карнизы состояли из гранита и местами из белого мрамора, а стены украшены были

⁷ Архитрав – в древней архитектуре так называлась балка, лежавшая непосредственно над капителями колонн и соединявшая колонны друг с другом.

⁸ Розета – архитектурное украшение в виде розы, помещаемое в углублениях сводов и потолков или в промежутках карнизов.

пилястрами⁹. Внутренняя отделка храма была еще великолепнее: пол мозаичный из тяжелых плит, а в алтаре – из разноцветных мраморов, яшм и из плит муравленных наподобие кафеля¹⁰. Колонны из белого мрамора с такими же базами, капителями и карнизами поддерживали хоры (полати), о которых упоминает летопись. Цоколь¹¹ состоял из полированного красного гранита; стены алтаря были покрыты мозаикой, а стены остального храма поверх штукатурки расписаны фресковой живописью, весьма несовершенную по очертаниям рисунка, но и теперь еще изумляющую нас живостью красок.

Десятинная церковь, при взятии Киева Батыем, была последним оплотом киевлян против татар и, вероятно, потому именно более всех церквей пострадала. О дальнейшей судьбе ее нам известно только то, что Петр Могила в 1635 г. вздумал поднять ее из развалин и воздвиг на древнем фундаменте и части уцелевшей стены маленькую церковь в честь Рождества Богородицы, которая мало-помалу пришла в ветхость и была снесена для постройки нынешней обширной Десятинной церкви. Новая Десятинная церковь, хотя и стоит на месте древней, но ничего не имеет с ней общего, так как не только стена Могилиной церкви была при постройке новой разрушена, но и даже и самый фундамент древней Десятинной церкви был уничтожен, а на место его заложен новый.

⁹ Пилястры – колонны не круглой и не полукруглой, а четырехугольной формы, непосредственно приставленные к стенам здания и составляющие как бы выступы их.

¹⁰ Кафели – то же, что изразцы.

¹¹ Цоколь – тесаный камень, которым обкладывается наружная часть фундамента в зданиях.

Рис. 2 Остатки древней Десятинной церкви (до срытия)

Переходим к эпохе Ярославовой, особенно обильной памятниками замечательными, можно почти сказать, величественными по тому времени и (по особенному счастью) уцелевшими до наших дней, несмотря на пережитые века невзгод, разорений и небрежения. Ярослав, проникнутый важным значением Киева, видимо, задался известным планом при тех важных постройках, которыми он украсил расширенный им столичный город. Должно предполагать, что часть Горы была уже и при отце его заселена, хотя на месте Св. Софии, еще за год до заложения собора, было «поле вне града», на котором и происходила в 1036 году, во время набега пече-

негов, отчаянная битва с ними. И уже в 1037 году Ярослав начинает приводить в исполнение свой обширный план обновления стольного города. Прежде всего, он обносит всю Гору стеною или валом, в котором устраивает на юго-западной стороне великолепные ворота, получающие название Золотых. Затем закладывает «Св. Софью, митрополию русскую», и два монастыря – Св. Георгия (в честь своего святого) и Св. Ирины; наконец, над Золотыми воротами ставит церковь Благовещения. Хотя все эти постройки упоминаются летописцем под одним и тем же годом (1037 г.), однако же трудно предположить, чтобы такие здания, как Золотые ворота, и в особенности как собор Св. Софии, могли быть воздвигнуты в один год.

Но, как бы то ни было, заложенные Ярославом в 1037 г. Золотые Ворота явились одним из наиболее видных украшений Киева и часто упоминаются летописью. Много различных мнений было высказано учеными для объяснения того, почему именно ворота названы были Золотыми: одни ссылались на желание Ярослава подражать великолепию Византии, другие указывали на позлащенный купол церкви Благовещения, выстроенный над воротами, как на повод к названию самых ворот золотыми. Для нас гораздо более важно замечание одного из современников, поясняющего, что Ярослав построил церковь Благовещения над Золотыми воротами, для того чтобы «всегда радость граду тому была св. Благовещением Господним и молитвою Св. Богородицы и Архангела Гавриила, радости благовестника»¹². Должно предполагать, что образ Пресв. Девы даже повешен был над самими воротами, на стороне, обращенной к городу, потому что под 1151 г. встречаем в летописи прямое указание на это: князь Вячеслав Киевский, перед послами Юрия Долгорукого, призывал Богородицу в свидетельницы своих слов и, говоря это, «смотрел на Святую Богородицу, что над Золотыми воротами». Из другого древнего свидетельства знаем еще, что под церковью Благовещения, повыше свода Золотых ворот, находились коморы, или кладовые, в которых, при постройке церкви Св. Георгия, сложена была Ярославом казна денежная, предназначенная для платы рабочим.

Со времени разорения Киева Батыем (1240 г.) Золотые ворота вместе со всеми остальными памятниками киевской древности стали разрушаться; но, судя по необычайной прочности всех древних киевских построек Ярослава времени, разрушение это, вероятно, происходило очень медленно. Заключаем так, собственно, потому, что остатки Благовещенской церкви на Золотых воротах уцелели даже до половины XVII века: в рисунке, снятом в 1651 г., и отысканном в бумагах короля Станислава Августа, еще заметны над сводом ворот входные двери, окна и высокие стены церкви. Сохранению остатков древнего здания отчасти способствовало то, что, по весьма странному распоряжению Сената, Золотые ворота, грозившее разрушением, в 1750 г. были засыпаны высоким земляным валом, составлявшим часть киевских укреплений, а рядом с ними устроены в валу другие ворота, под названием Золотых. В 1832 г. неутомимый изыскатель киевских древностей К. А. Лохвицкий отрыл из-под земляного вала уцелевшие остатки древних Золотых ворот.

В настоящее время это древнее здание представляется нам в виде двух обломков стены, справа и слева; верхняя часть свода разломана; стены ворот снабжены пилястрами, на которых были некогда основаны арки, поддерживавшие своды ворот. Левая сторона (от выхода из Старого города) вдоль по фасаду имеет в длину 30 арш.; обломок правой стороны едва равняется по объему половине левой; ширина пролета между стенами 10 ¼ арш.; высота стен – 14 арш., толщина – около 2 арш. Кладка кирпичей древняя, точно такая же, как и во всех, уцелевших до нашего времени, остатках киевских древних памятников. Способ этой кладки заключается в следующем: кирпичи древней формы (длиной 8, шириной 7, толщиной 1 вершок) переложены слоями греческого цемента¹³, толщиной в 3 вершка; через пять рядов кирпичей положен ряд тесаных камней-серовиков, толщиной 12 вершков и более; потом опять ряды тонких кирпичей

¹² Так в Ипатьевск. лет. под 1037 г. См. изд. Археогр. ком. СПб., 1871. С. 106.

¹³ Цемент этот состоит из раковинной извести, перемешанной с толченым камнем и необычайно окрепшей.

с толстою известковою подмазкою и т. д. По обеим сторонам в стенах ворот видны большие впадины, в которых помещались балки или перекладины: нижние от поверхности земли – на пять аршин, другие, повыше первых, – аршина на два. Ясно, что тут, над проездом в ворота, под полом церкви, были некогда кладовые (коморы). На обеих сторонах воротных стен фальшивые двери, а на левой еще два фальшивых окна, из которых одно круглое.

Рис. 3. Золотые ворота (вскоре после открытия)

Древние ворота после разрушения, видимо были поправляемы. Первые стены их, в проезде, закладены другими, сложенными также из древних кирпичей, большею частью ломаных и перемешанных с крупными серыми камнями; но кладка эта произведена уже не на цементе, а на простой известке. При очищении земли, которою ворота были засыпаны, вторые стены от первых (древних) отвалились и остатки их удержались только в немногих местах. Левая сторона ворот (с поля) подперта пристройкой из обломков древних кирпичей и серого камня, залитых известью. Пристройка эта, как предполагают, сделана очень давно, быть может, еще в половине четырнадцатого века.

Не более как в 200 саженьях на северо-восток от Золотых ворот возвышается главная святыня киевская – собор Софийский. В древних прологах показано, что собор Св. Софии освящен был митрополитом Феопемптом 4 ноября 1037 года. Затем судьба этого собора и находившегося при нем монастыря служила вернейшим отражением тревожной и бурной судьбы самого Киевского княжества. Нельзя не удивляться тому, что уцелели до нашего времени стены Св. Софии с драгоценными украшениями, мозаиками и фресками, между тем как все осталь-

ные драгоценности древнего собора исчезли бесследно, и даже опись их не дошла до потомства. Два раза и дотла была разграблена Св. София ратями русских князей: Мстиславом Андреевичем, сыном Боголюбского, в 1169 году, и Рюриком Ростиславичем – в 1204 г. В промежутке между этими двумя погромами Св. София сильно потерпела от пожара в 1180 г. Наконец, в 1240-м – при общем разорении Киева Батыем – собор разграблен окончательно, и даже кости почивших в нем князей потревожены хищностью грабителей, всюду искавших сокровищ. В период полного упадка Киевского княжества, от половины XIII до половины XIV века, собор Св. Софии подвергся наибольшей опасности: ему грозило полное разрушение. Митрополиты Киевские, начиная с Кирилла III, уже не жили в Киеве, тяготясь видом опустошения и развалин некогда славного стольного города: они только проездом и временно бывали в Киеве. Но все же не без основания полагают, что, до 80-х годов XIII века Св. София не была покинута окончательно и что в ней еще продолжали совершать богослужения, так как Кирилл III, скончавшийся в Суздале, велел похоронить себя в Софийском киевском соборе. Впоследствии же, при наследниках Кирилла III, в особенности после того как с 1320 г. Киев перешел во власть Гедимины и митрополия русская (1325 г.) перенесена была в Москву, митрополиты не заглядывали более в Киев, в котором паствою правили их наместники.

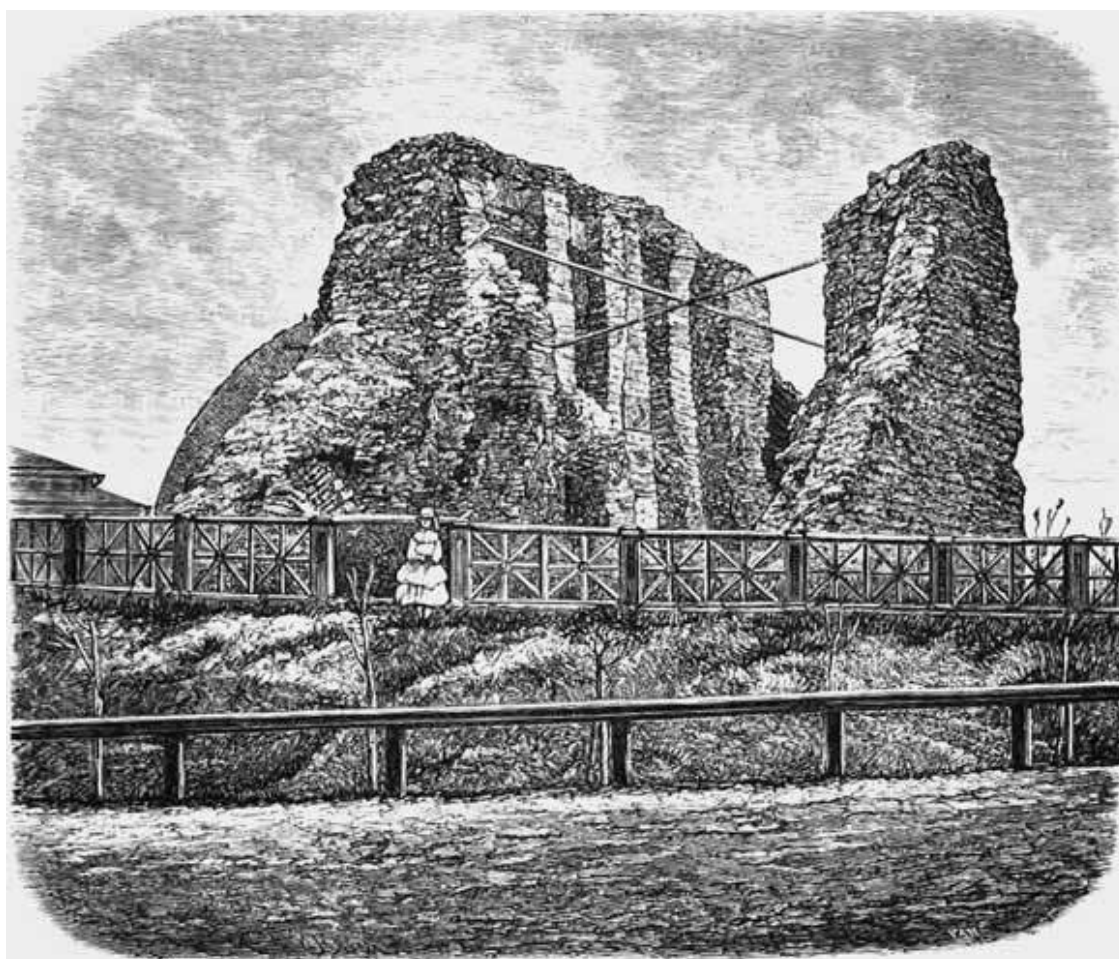

Рис. 4. Золотые ворота (в их нынешнем виде)

Вероятно, к этому-то времени следует отнести то печальное положение Софийского собора, при котором, конечно, и богослужение в нем должно было на время прекратиться. «Новейшие исследования показали, что Софийский собор в течение некоторого времени начал было клониться к падению: лишенный кровли, в алтарном своде он получил длинную трещину, а в среднем продольном своде западная часть его совершенно обрушилась; одновременно с

этим разрушениями или несколько позже и вся западная сторона собора обратилась в развалины. Неизвестно, при ком эти важные разрушения были исправлены и хотя до некоторой степени восстановлено внешнее и внутреннее благолепие собора. Достоверно можно утверждать только то, что исправления произведены были гораздо ранее Петра Могилы, который отобрал храм от униатов опустошенным, ограбленным, но не в развалинах¹⁴. Есть основание предполагать, что исправления, произведенные в Св. Софии, относятся к концу XIV века, ко временам митрополита Киприана.

Несмотря на то что позднейшие приделки, надстройки и дополнения первоначального здания собора (в особенности произведенные в XVII веке) значительно изменили вид древнего Ярославова храма, Св. София киевская все же является нам одним из наиболее сохранившихся храмов древнейшего византийского типа. Этот отзыв тем более применим к Св. Софии киевской, что она представляет едва ли не единственный в России храм, в котором древнейшие части могут быть с полнейшею достоверностью отличены от позднейших. Проверкой в этом отношении служат два условия: во-первых, позднейшая кладка стен и сводов явственно отличается от древней кладки; а, во-вторых, на тех стенах и сводах собора, которые впоследствии подверглись перестройкам и поправкам, мы не видим ни мозаик, ни фресковой живописи, которыми сплошь были украшены стены древней Софии киевской.

Насколько можно по настоящему виду собора заключать о его былом состоянии, постройка его была произведена с таким тщанием и употреблен на нее материал такой высокой доброты, что здание, несмотря на тяжкие невзгоды, перенесенные им в течение восьмивекового существования, сохранилось до наших дней почти в том же виде, в каком его могли видеть ближайшие потомки Ярослава. Кроме кирпича (местного киевского производства), строителями на постройку собора употреблены были дикий камень, красный шифер, гранит в плитах, и местами, в весьма ограниченном количестве, мрамор. Внутри храма, на хорах, в некоторых арках, до последнего времени видимы были дубовые брусья, положенные в виде скреп. Пол выстлан был плитами мраморными и шиферными, вперемежку с кафелями, как в Десятинной церкви. Перила на хорах и доселе уцелели из шифера, украшенного скульптурною работою.

¹⁴ Закревский, Описание Киева. Т. II, с. 779–780.

Рис. 5. Киевский Софийский собор (с восточной стороны)

Фигура плана Св. Софии – четырехсторонняя, но с различными выступами и углублениями, отчасти древними, отчасти позднейшими. К числу первых принадлежат те девять полу-кругий, которые образуют запрестольную алтарную стену; к числу вторых – те шестнадцать массивных контрфорсов, которые извне поддерживают стены древней Софии. Длина храма, считая по южной и северной наружной стороне – 17 саж. 1 арш. 14 верш. Длина наружной, как западной, так и восточной стены, по прямой линии – 25 саж., 2 арш. 8 верш. Длина середины храма, от запада к востоку, считая со стенами, – 16 саж., 1 арш. Высота стен до кровли – 6 саж. 2 арш. 9 вершк. Высота всего здания от подошвы до верха креста – 19 саж., 2 аршина.

Куполов Св. Софии киевской было в прежнее время тринадцать, считая в том числе один большой над серединою главного храма и двенадцать меньших. О древней форме куполов по теперешней двухъярусной фигуре их глав судить невозможно, точно так же, как нельзя иметь понятия и о форме прежней крыши собора, которая была значительно ниже нынешней, вследствие чего и окна в главах были больше, и внутри храма было значительно светлее, нежели в настоящее время.

Внутри, храм Св. Софии, в большей своей части, разделен хорами на два неравные этажа или яруса, из которых нижний гораздо ниже верхнего. Хоры эти примыкают к трем сторонам здания: западной, северной и южной; в середине, под главным куполом, все здание совершенно открыто.

Первоначально стены южные и северные выведены были только в одном этаже и служили галереями или (по выражению митрополита Евгения) пристенками, а верхние этажи этих стен надстроены уже в гораздо более позднее время Петром Могилою или его преемниками, дабы предохранить древние стены храма от разрушения. Вдоль этих-то стен на южной стороне выстроены три новых купола и на северной – столько же, так что теперь число всех куполов на Софийском соборе доходит до девятнадцати, хотя из этого числа видны только пятнадцать: четыре древних купола скрыты под позднейшею, впоследствии возвышенною, кровлею собора.

Вообще говоря, нынешний фасад свой Св. София получила во времена Петра Могилы или даже позже, и во внешности носит на себе отпечаток немецко-польской архитектуры конца XVII века¹⁵; но зато внутренность собора, всеми подробностями своих мозаических и живописных украшений, переносит нас вполне в древний православный храм XI–XII века, каким этот храм вышел из рук греческих строителей и художников, вызванных в Киевскую Русь Владимиром и Ярославом.

К тому же столь важному в истории Киева, 1037 году относится постройка приписываемых Ярославу двух других церквей: Св. Георгия и Св. Ирины. Церковь и монастырь Св. Георгия Ярослав заложил в честь святого, которого имя получил при крещении; монастырь и церковь Св. Ирины заложены были им в честь святой, имя которой носила его жена. В древнем харатейном¹⁶ прологе XV в. говорится о церкви Св. Георгия, что она была построена перед воротами Св. Софии, следовательно, на юго-запад от Софийского собора, по направлению к Золотым Воротам. Позднейшие разыскания дают некоторую возможность предполагать, что

¹⁵ Под названием немецко-польской архитектуры следует разуметь тот безвкусный и весьма некрасивый архитектурный род, который занесен был в XVII веке в Польшу из Германии и особенно усилился при Августе II. Здания, выстроенные под влиянием этого стиля, украшены вдоль по кровле высокими фигурными фронтонами или щитами, которые увенчиваются шпицами. Фонари или трибуны церквей состоят из многогранных призм и крыты двурярусными, изогнутыми кровлями, которые в современной архитектуре были известны под названием королевской кровли (Königsdach). В этом-то архитектурном стиле реставрированы были почти все киевские церкви – Печерская лавра, Михайловский монастырь и самая Св. София. Желаящих ближе ознакомиться со всеми перестройками и переменами, пережитыми Киево-Софийским собором, отсылаем к прекрасному реферату протоиерея П. Г. Лебединцова, помещенному в «Трудах» Третьего Археологического съезда (т. I, с. 53–93) под заглавием «Осв. Софии Киевской».

¹⁶ Харатейный – писанный на харатье (т. е. пергамене).

нынешняя Георгиевская церковь фундаментом своим захватывает часть основания древней церкви. В том же прологе приводится любопытное сказание о самом построении древнего Георгиевского храма. Когда начали строить его, то оказалось мало рабочих при постройке; и князь, увидев это, призвал тиуна и сказал: «Отчего у церкви мало трудящихся?» Тиун отвечал: «Оттого, что это дело властельское, так и бояться люди, что им придется потрудиться даром». Тогда повелел князь на телегах свезти куны (деньги) в коморы (кладовые) Золотых врат и возвестить на торгу людям, что каждый из приходящих на постройку церкви Св. Георгия может взять себе по ногате¹⁷ на день. И множество явилось желающих работы, и вскоре церковь была окончена и освящена 26 ноября Ларионом митрополитом, который сотворил в ней наставление новоставимым епископам¹⁸.

Немного далее, южнее и западнее церкви и монастыря Св. Георгия, почти на полпути между Золотыми и Лядскими воротами, находится монастырь и церковь Св. Ирины, которого местность вполне удостоверена раскопками, произведенными в 1833 г. неутомимым Лохвицким. Этот изыскатель разрыл место в излучине старого крепостного вала, неподалеку от ограды Софийского собора, с южной стороны, и ему действительно удалось откопать большую часть церковных стен, по материалу, кладке и свойству цемента вполне тождественных с остатками Золотых ворот и Десятинной церкви. Очищенное от земли основание церкви представилось в виде продолговатого прямоугольника, который одною из долгих сторон обращен был к востоку, а другую – к западу. Продольные стены содержат по 11 саж. и 1 аршину каждая. Южная и северная стены – каждая по семи сажень. Входные двери были в южной стене. В восточной стене находился пролет, шириною в пять сажень, к которому примыкала алтарная пристройка в виде трех выступов – одного большого и двух малых. На середине храма уцелели остатки четырех квадратных столпов, вероятно поддерживавших средний купол. В фундаменте алтарной части открыт престольный камень, с 4 углублениями для ножек престола и пятым посередине, для мощей. Ближе к восточной, округлой стене алтаря, где обыкновенно устраивается горнее место, найдены 12 камней, положенных, как полагают, в честь 12 апостолов; между ними и престолом – еще 4 камня в честь 4 евангелистов. Пол как в алтарной части, так и в самой церкви, состоял, судя по остаткам, из мозаики и четырехугольных плиток, поливной горшечной работы. В стенах отысканы были горшечные голосники¹⁹.

¹⁷ Ногата – мелкая монета.

¹⁸ См. «Историю Русск. церкви» Макария, архиепископа харьковского. Издание второе. СПб., 1868. Т. I, с. 66–67 и прим. 121.

¹⁹ Под именем голосников, или звуковых сосудов, разумеют обыкновенно горшки или кувшины из обожженной глины, которые горизонтально закладывались в своды и стены (преимущественно в северные, южные и западные) наших древних церквей, для того чтобы придать более звучности и силы голосам священнослужителей и певчих при богослужении. Такие голосники сохранились в церквах киевских и черниговских, в древних зданиях Московского Кремля, в церквах псковских и новгородских. В. В. Стасов, занимавшийся исследованием голосников в цц. новгородских и псковских, замечает, что «в акустическом отношении голосники удовлетворяют своему назначению, потому что в церквах, где они находятся, мы встречаем очень хороший резонанс, несмотря на самую невыгодную для звука колодеобразную форму этих церквей». См. Известия Имп. археологич. общества, т. III (СПб., 1861), с. 126–142. Статья В. В. Стасова «Голосники в древних новгородских и псковских церквах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.